

Они были собраны в конференц-зале. Две дюжины кандидатов, решивших пройти любые испытания мира, для достижения своей цели. Два десятка людей, что не боялись пройти через ожидающие их трудности, и всё ради своей мечты. Такие одинаковые в своей решимости и такие разные в своих причинах. Кто-то был сломлен и, собирая себя по кусочкам, восстал из своей боли только чтобы оказаться здесь, в этом самом месте, в этот самый момент, олицетворяя вызов всему миру. Кто-то считал себя лучшим. Кто-то собирался пройти путь к тому, чтобы стать лучшим. Кто-то был готов пожертвовать всем. А кто-то был готов пойти на всё, чтобы никого не пришлось приносить в жертву.

Конечно же, в большинстве своём кандидаты были молоды, мало кто из них дотягивал до тридцати. Но были и представители старших поколений, что решили поменять свою жизнь, или жизнь решила поменять их. Это было нормально. Так же нормально, как процедура, проходящая в зале.

Марен Уиллис это понимал, но всё равно не мог унять волнение. Чемпион прошлого года по «акробатике в смертельных условиях», покинувший спорт ввиду травмы, но не утративший воли к борьбе, решил всё для себя в тот момент, когда узнал, что больше не может заниматься любимым делом. Ведь знал, что медицина способна вернуть его в форму в минимальные сроки, знал, что запретили проводить операцию по причине совершенно не связанной с травмой. И всё из-за того, что глава его семейной ветви предложил провести реформу по роспуску совета Весты. Только чтобы величие семьи Уиллис рухнуло карточным домиком. Все привилегии оказались проклятием, когда совет правления показал, что значит понятие умеренной диктатуры...

Но выход был, была надежда, шанс на возвращение семейной власти. Монарх Сивилии может и не смог пойти против воли совета Весты, но также совет не сможет пойти против ассоциации «нобилити». И этот последний шанс — Синтраж.

Марен не привык сдаваться. Как не мог вынудить своих друзей выбирать между ним и благополучием их семей. Поэтому он ушёл. Ушёл, чтобы вернуться победителем... или не вернуться вовсе. Ушёл, чтобы пройти все испытания синтраж, стать офицером нобилити и получить достаточно власти для возрождения былого величия своей семьи.

Юноша в очередной раз обвёл кандидатов взглядом. Сколько их тут, таких же, как и он сам, взваливших на себя ношу своих же желаний? Скольким из них сегодняшняя победа важнее, чем ему? Неважно. Нельзя думать об остальных, нельзя колебаться. Нельзя видеть в них кого-то, кроме потенциальных соперников.

Организаторы задерживались, и это было странно. Ведь всё, что сейчас требовалось сделать — провести инструктаж, и снять с себя ответственность за возможные травмы или смертельные исходы. Хотя смерти на этом этапе могли случиться только в виду крайне неудачного стечения обстоятельств.

Марен с трудом сдерживал дрожь. Хотелось поскорее начать испытание, и отдаться во власть своих навыков и умений. А ведь за этими стенами ещё три точно таких же конференц-зала с кандидатами на покорение синтраж. Около сотни претендентов. И невозможно предугадать: кто из них станет тебе союзником, а кто врагом...

— Прошу прощения за задержку! — из невидимого глаза динамика доноситься голос. — У судей этого уровня вышла заминка.

В центре стола-подиума появляется голограмма человека. Изображение настолько

реалистично, что издали и не отличишь от настоящего. Претендентам явился мужчина в дорогом белом костюме, обладатель некого шика, но почему-то с маской младенца на лице. Маска казалась живой, то и дело, меняя те или иные очертания лица, отчего была отталкивающе неприятной.

— Перейдём к делу, — меж тем продолжает незнакомец в костюме, — мне было невыносимо скучно наблюдать, как мусору вроде вас из года в год позволяют проходить испытания для достижения ваших детских целей. Эх, раньше было не так... когда-то... да не важно.

Мужчина огорчённо качает головой, и маска, закрывающая его лицо, скривилась, будто собираясь расплакаться, в точности копируя мимику новорождённых.

— В общем, я решил лично провести отсев первого уровня синтраж. Конечно, судьи-организаторы были против, поэтому мне пришлось их убить, и полностью захватить контроль над зданием...

В зале слышен смешок, не от того что шутка была удачной, просто кто-то смехом разряжал нависшее над залом напряжение.

— Понимаю, понимаю. Вам нужны доказательства, чтобы воспринимать меня всерьёз. — Незнакомец щёлкает пальцами, и рядом с ним появляется изображение четырёх искорёженных трупов. Кандидаты уже видели этих людей раньше. Именно эти люди представились судьями предстоящего отбора. Офицеры ассоциации «Нобилити». Те, кого, казалось бы, невозможно одолеть обычному человеку.

Кто-то из участников вскакивает с места, кто-то продолжает сидеть, с выражением скепсиса на лице.

Марен понимает чувства обеих групп: «Что это? Правда? Обычная проверка кандидатов?»

— Что ж, не будем тянуть и приступим к первому испытанию, — маска неожиданно меняется, изображая радость от получения новой игрушки, — испытание называется: тише едешь — дальше будешь, что ж, сказок больше не будет, удачи!

Раздаётся тонкий смех, но смеётся не мужчина в костюме, а его маска, видимо, запрограммированная передавать эмоции носителя в своеобразной манере. Затем голограмма исчезает, а на потолке высвечивается надпись: «тише едешь — дальше будешь».

Участники в недоумении. Дверная панель отъезжает в сторону, чтобы пропустить нечто внутрь комнаты. Почти бесшумно в зал въезжает автоматизированная противопехотная турель. Стрелковое оружие класса А. Если бы в её программе было убийство всех людей в этой комнате, то они бы были уже мертвы за первые пять секунд. Турель замирает возле единственного выхода. Зал молчит. Зал думает.

Марен не сразу замечает под стволом надпись «нажми меня». Надпись, аккуратно расположенную над сенсорным переключателем пулемёта.

«Теперь всё ясно. В устройстве есть кнопка дезактивации. Чтобы покинуть помещение, необходимо добраться до переключателя. Осталось только придумать, как это сделать. Напролом, наверно, тут не пойдёшь. Если бы только у нас не отобрали всё оружие, но выбора нет».

Это поняли почти все кандидаты, Марен это знал. Но ни он, ни они не поняли главного

правила. И спасло их только то, что некоторые даже не собирались что-либо понимать.

Один из участников встаёт с самоуверенной улыбкой на лице, с явным намерением взять лидерство в свои руки:

— Да ладно, что вы все так напряглись? Ясно же что это не настоящий пулемёт...

Турель слегка гудит, и беззвучный выстрел сносит оратору пол головы.

Тело издевательски медленно падает на пол.

Шок.

Что-то неотвратимо зарождается среди каждого из присутствующих.

Паника.

«Нет, этого не может быть! Спокойно Марен, тебе уже доводилось смотреть в глаза смерти. Вставай. Вставать? Почему я сижу на полу? Когда я успел упасть?»

Кто-то кричит, кто-то падает без чувств. Все стараются отбежать от мертвеца как можно дальше, и делают только хуже. Турель продолжает стрелять, выкашивая одного участника за другим. Что-то окропило юноше лицо — кровь? Нет, мозги. Скуля и вопя все падают на пол, но многих это не спасает: пуля способна найти свою цель в любой точке комнаты, чтобы прерывая вопли душевного страдания.

Марен по-прежнему не может заставить себя двигаться. Борясь с тошнотой и дрожью, он смотрит на потолок, на мерцающую алым пламенем надпись: тише едешь...

Кто-то касается его плеча, юноша вздрагивает, но сдерживается, чтобы не закричать. Девушка, на вид хрупкая и бледная смотрит в глаза Марену. Видно, что ей тоже страшно, однако в отличие от парня она уже подчинила свой страх. Только сейчас акробат понимает, что уже некоторое время сидит в полной тишине. Девушка жестом приказывает молчать, и помогает подняться на ноги.

Всего в комнате остаётся девять человек. Живых человек. Те, кто теперь стоял над мёртвыми. Те, кто наконец-то осознал правила игры.

«Тише едешь — дальше будешь».

«Издашь хоть звук — умрёшь».

Участники переглядываются, не зная, что делать. Кто-то ещё собирается с мыслями, кто-то жестами пытается что-то сказать остальным.

«Что происходит? Всё должно было быть не так. Нет, нет, нет, нет, нет...»

Девушка тянет Марена за руку, приводя в чувства, и, приложив палец к губам, начинает красться в сторону турели.

«Верно. Само собой, ничего не решится. Нужно действовать. Как всегда, нужно продолжать бороться. Я выживу, чего бы мне это не стоило. Я доберусь до этой проклятой кнопки, и отключу оружие!»

Но почему-то он не может себя заставить сделать следующий шаг. Казалось бы, вот оно: незнакомка крадётся к турели, рискуя своей жизнью, и даже другие участники, переборов свои страхи, пытаются приблизиться к выходу, а он, человек живущий адреналином не может прийти в себя.

«Всё потому, что я всегда знал, что шансы моей реальной смерти близки к нулю. Всё потому, что я на самом деле не смотрел в глаза смерти до этого самого дня...»

Безнадёжность и стыд жгут представителя семьи Уиллис изнутри, когда, казалось бы, хрупкая девушка-таки касается трясущейся рукой кнопки деактивации, расположенной под дулом автомата, хищно смотрящего в лицо спасительницы.

Звучит весёлая мелодия. Турель затухает. Дверь отъезжает в сторону, позволяя кандидатам выйти.

Девять человек, покрытые кровью с ног до головы, неуверенно покидают конференц-зал, ещё не веря, что им удалось выжить, проклиная тот миг, когда решили покорять синтраж. Выжившие выходят в вестибюль. Знакомый им вестибюль, где их уже ждут кандидаты, пережившие испытания в соседних залах. Ещё пятнадцать человек, избежавших поцелуя смерти.

Раздаётся весёлая мелодия, и уже знакомый всем голос оповещает:

— Итак, я рад объявить первый этап испытаний пройденным! Давайте посмотрим на результаты! Из зала номер один выжило двенадцать участников. Что ж, это рекордное количество, поздравляю! Зал номер два покинуло только трое человек, я бы сказал, что это прискорбно, но мне, если честно абсолютно всё равно. Из третьего зала живых нет, увы. А в четвёртом зале испытание прошла счастливая девятка. Что ж, передохните немного, ведь продолжение не заставит себя ждать!

Участники смотрели друг на друга, с сочувствием и уважением оценивая тех, кто выжил. Начали общение. Но почему-то трою из второго зала старались обходить. Мужчина мёртвым взглядом оценивал окружение. У него на плече тихонько рыдала какая-то девушка, а рядом с ними, сидя на полу, с безумием в глазах рвал на себе волосы цикианец.

«Что же у вас произошло, раз выжило только трое?»

— ...ты меня слышишь? С тобой всё в порядке?

Марен задумался и не расслышал вопроса незнакомки, спасшей его жизнь.

— А? Да, всё в порядке прости.

— Я спросила: как тебя зовут, — незнакомка смотрит на него как на калеку.

— Марен. Марен Уиллис.

— Что ж, Марен, меня зовут Банко, будем знакомы, это Зен, Бакто, Чито, Ксато, Филл, Сузуки, Циско. Будем держаться вместе, и мы выживем.

— Да, будем... выживем...

Все переглядываются, вероятно, думая, что юношу уже не спасти.

Раздаётся драматичный аккорд, и голос человека в маске снова наполняет помещение:

— Думаю, пришло время второго этапа! Не будем тянуть, испытание называется: тише едешь — дальше будешь, дальше будешь — будешь мёртв. Вестибюль не опечатан, так что можете уйти, когда вам заблагорассудится, — слышен издевательский смех маски, — Начали!

Тишина.

Участники молчат, как никогда в жизни. Потому-что в комнату въезжают две турели. Одно из устройств кандидатам хорошо знакомо, а вот второе оружие отличается формой ствола. Но на них неизменно горят панели дезактивации.

«Что значит это изменение в правилах? На что реагирует второе оружие? Как там было: ...дальше будешь — будешь мёртв. Может нельзя стоять к турели слишком близко?»

Кто-то решает так же, и медленно двигается в сторону от угрозы. Устройство реагирует моментально, посылая в участника струю пламени. Вопль горящего человека длится всего секунду — вторая турель сносит ему голову...

...

Нет, оцепенение охватило всех не из-за увиденного. Просто каждый понял, на что именно реагирует огнём. Двинешься — тебя поджарят. Закричишь — пристрелят. По крайней мере, не придётся гореть заживо, решит для себя оптимист. Пессимист же... да. Даже сошедший с ума цикианец превращается в неподвижную статую.

Кто-то не выдерживает, и его рвёт от запаха горелой плоти. Обе турели стреляют одновременно. Толпа рассыпается в стороны... Стоп. Турели замерли — замерла толпа.

«Вот оно! — замечает важную деталь, окончательно пришедший в себя Марен, — когда они стреляют, то не обращают внимания на других участников. Когда беднягу поливало огнём, от него отпрянули все близстоящие, но турель этого не заметила! Надо только отвлечь огнём. Но как?»

Марену безумно хочется поделиться замечанием с остальными, но он не может этого сделать, без угрозы лишиться своих мозгов. Правда, он не единственный, кто был достаточно внимателен.

Мужчина с мёртвым взглядом из второго зала почти незаметно пихает своего обезумевшего товарища, и цикианец падает на пол. Огненная струя обдаёт несчастного жидким пламенем. Но безумец не кричит. Он больше не может кричать... горит заживо, извивается на полу, но не позволяет себе издать и звука. Потому-что помнит: тише едешь...

А огнём продолжает поливать брыкающегося участника смертельным жаром. Раз. Другой. Третий. Пока боль не убивает несчастного.

Слёзы свидетелей происходящего, что через силу глотают дым человеческого жертвоприношения, беззвучный плач, ставящий их жизни под угрозу, но помогающий не сойти с ума — только это осталось у тех, кто стоял достаточно близко.

А мужчина с мёртвым взглядом в этот промежуток времени таки успевает плавно добежать до пулемётной турели, и коснуться кнопки... Пулемёт затихает. Остаётся только огнём...

Снова никто не двигается...

«Наша группа ближе остальных к устройству. Если я отвлеку на себя огонь... в прямом смысле, то Банко сможет деактивировать турель. Только вот если кто теперь загорится, то сгорит заживо. Не важно. Если я использую стену как точку старта, и сделаю упор на затяжные прыжки, то пламя меня не достанет. Надо только предупредить остальных».

Марен уже видит исход своего плана, где он, вероятно, будет представлять собой сплошной ожог, но если это последнее испытание, и ему успеют оказать медпомощь, то он выживет. По крайней мере, никто больше не пострадает.

— Банко... — начинает Марен, и чувствует, как две небольшие девчачьи ладошки толкают его в спину. Юноша не сразу понимает, что произошло. Но когда понимает, становится слишком поздно.

Пламя ослепляет его, когда Марен падает после предательского толчка в спину. Сначала становится невыносимо холодно, затем: невыносимо жарко. И последняя мысль, какую не успевает затмить боль, была о желании умереть...

И желание исполняется, пока девушка беспрепятственно бежит к турели...

Два года спустя. Космическая станция «Ребелентис». Конференц-зал.

Собрание совета станции «Ребелентис» подходило к концу:

— Блюс Элджейс. Вам, как ведущему организатору предстоящего турнира «Ню Нова», было позволено получить эти данные. Это произошло два года назад. Из сотни участников выжило шестеро, но ассоциация представила всё как террористический акт, и устранила всех свидетелей.

— Прошу, держи своё мнение при себе, Дак. Согласно официальным данным, детишки ещё живы, и находятся под наблюдением врачей.

— Официальным данным? Ты издеваешься?

— Ой, да не надо снова вашей перебранки ввиду различия во мнениях относительно ассоциации. Давайте перейдём к делу.

— Что ж, давайте. Блюс, мы тебя ненавидим, что тут скрывать, но как коллеги мы знаем, что ты можешь справиться с этой должностью. И ты должен быть готов, что этот ублюдок в белом попытается снова что-либо учудить. Два года о нём ничего не было слышно, но это может быть лишь затишьем перед бурей. Расслабляться нельзя. Ах, да, к нам пошлют офицеров нобилити. Трех. Надеюсь, все понимают, что они не должны учуять и намёка на возможные грязные делишки любого из вас?

Совет оскорблённо вздыхает. Совет — сама невинность.

Высокий худой мужчина в клетчатом костюме кривится, но лишь на секунду. Организатор Блюс возвращает выражение невозмутимости на своё острое лицо и говорит:

— Не волнуйтесь, советники, всё будет сделано по высшему разряду...

Но как он ошибался...

<http://tl.rulate.ru/book/8500/208608>